

Е.В. Дубограй,
*к.соц.н., заведующий отделом историко-социологического анализа развития медицины
НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования
Первого МГМУ им. И.М. Сеченова*

E.V. Dubograj,
PhD, head of the department of historical and sociological analysis of development of medicine of the Research institute of sociology of medicine, economics of health and medical insurance of the First MSMU named after I.M. Sechenov

О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНКРЕТНОМ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ON THE SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE OF HUMAN RELIGIOUSNESS IN A CONCRETE MEDICAL-SOCIOLOGICAL CASE STUDY

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Евгений Викентьевич Дубограй, заведующий отделом историко-социологического анализа развития медицины НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования
Адрес: 119021, г. Москва, ул. Россолимо, д. 11, стр. 2
Телефон: 8 (499) 246–12–03
E-mail: socmed-1mgmu@mail.ru
Статья принята к печати: 19.10.2012

Аннотация. В статье исследуется социологическое измерение сферы религиозности человека в медико-социальном аспекте.

Annotation. The sociological perspective of human religiousness in the medical and social aspects is investigated in this article.

Ключевые слова. Социологическое исследование, религиозность, историко-социологический анализ.

Key words. Sociological research, religiousness, historical and sociological analysis.

Сегодня социология активно обращается к изучению природы социальных проблем, и именно социологическое восприятие социальных процессов и институтов, позволяет выявить причинно-следственные связи как на уровне субъектных отношений, так и на уровне социальных структур, всесторонне исследовать особенности функционирования социальной системы, оценить эффективность процессов и конгруэнтность взаимодействия ее составных элементов, выявить причины формирования наиболее актуальных социальных проблем, дать социологическую оценку положения отдельных категорий населения в зависимости от их социального статуса [11, 9].

Проблема с определением критериев религиозности в социологической науке решается сегодня

неоднозначно. Часто социологи-исследователи, приводя данные собственных измерений, используют разные основания для определения этой сложной, качественной характеристики личности.

Процесс выработки соответствующих ключевых признаков, позволяющих достаточно обоснованно относить человека или группу к «религиозным» или же «нерелигиозным», идет в российской социологии религии в последние годы весьма активно, и, несмотря на то, что он еще не завершен (или, напротив, именно поэтому), на этом пути уже сделаны существенные наработки [5]. В данной статье мы предпринимаем попытку их концептуального обобщения.

Понятие «религиозность» является категориальным для отечественной социологии религии. Со-

гласно классику отечественного религиоведения Д.М. Угриновичу, его анализ и эмпирическая интерпретация составляет важную методологическую предпосылку составления научной программы любого конкретно-социологического исследования религиозной сферы [14]. Как таковое, данное понятие характеризует соотносительность религии с определенным социальным субъектом, представляя религию как комплексную качественную характеристику этого последнего. Если понятие «религия», по определению Д.М. Угриновича, «подразумевает выделение особой сферы (формы) общественного сознания, особого типа социальных связей и институтов в рамках целостной социальной системы, то под термином «религиозность» понимается воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп» [14]. Содержательно религиозность может быть понята как «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [14].

Согласно трактовке И.Н. Яблокова, «религиозность — качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений» [18]. По определению Р.А. Лопаткина, «под *религиозностью* понимается определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [2]. Это соотносится с определением П.Л. Бергера, согласно которому «то, что обычно называется религией, включает в себя набор установок, верований и действий, связанных с двумя типами опыта — опытом сверхъестественного и опытом священного» [1].

Социальный факт религиозности субъекта устанавливается в соответствии с некоторым *критерием* религиозности, считающимся необходимым и достаточным для признания ее как существенного качественного состояния личности или группы. Специалисты признают, что «вопрос о критерии религиозности разными социологами решается по-разному, он нуждается в дальнейшем обсуждении и согласовании» [2].

Суммируя различные подходы и точки зрения на то, что является необходимым и достаточным критерием религиозности, можно выделить следующие группы признаков этого явления.

1. Самоидентификация респондента.

Это наиболее распространенный и популярный среди исследователей критерий определения отношения к религии. Данный критерий является сложносоставным. Здесь выделяется:

а) определение отношения человека к религии вообще — религиозная самоидентификация, обыч-

но определяемая по инвариантной шкале типа «верующий — индифферентный — неверующий» или «верующий — колеблющийся — неверующий — атеист»;

б) определение отношения человека к конкретному религиозному вероисповеданию — конфессиональная самоидентификация.

Первая компонента считается базисной, вторая — «важным конкретизирующим признаком религиозности..., получающим выражение и в религиозном сознании, и в религиозном поведении».

2. *Определенный круг мировоззренческих представлений*, характерных для данного вероисповедания или группы вероисповеданий.

В качестве соответствующего критерия чаще всего употребляется следующий набор признаков: вера в Бога (представление или допущение существования Бога как сверхъестественного субъекта, влияющего на существование мира и человеческую жизнь); вера в прочие сверхъестественные реалии, (ангелов, бесов, Рай, Ад, реинкарнацию, возможность магического воздействия на предметы и явления мира); признание основных вероучительных положений (догматов) того или иного религиозного вероучения (применительно к православию и другим классическим версиям христианской доктрины — троичность Бога, богосыновство Христа, реальность его исторической жизни и совершенных чудес, воскресение из мертвых, сотворение мира и др.).

3. *Совокупность определенных практик* (повторяемых социальных действий, элементов поведения и образа жизни), свойственных данной религиозно-культурной традиции или группе традиций.

Так, применительно к православно-христианской традиции, к данному критерию чаще всего относятся: факт и частота молитвы; посещение храма (молитвенного дома); чтение вероучительной литературы (Библии, молитвослова, поучений Св. Отцов, агиографий — житий святых и т. д.); исполнение основных церковных таинств — прежде всего, крещения, периодической исповеди и причащения; факт и регулярность соблюдения религиозных постов; практика обращения за советом к священнику (в более «продвинутом» варианте — наличие духовного отца, «духовника»); практика посещения святых мест (паломничество); участие в особых церковных культовых действиях — таких, как крестные ходы; наличие дома предметов культа — икон, лампад и др.

Таким образом, признаков религиозности, применяемых социологами в качестве ее критерия, набирается достаточно много. В этой связи резонным представляется замечание Р.А. Лопаткина о том, что «использование всего набора признаков для установления религиозности индивида излишне», и что в качестве критерия религиозности достаточно

выделить «либо один определяющий признак, либо минимальный набор таковых» [2]. Соответственно, проблема определения религиозности/нерелигиозности социального субъекта сводится к тому, какой признак (совокупность признаков) следует считать тем «Рубиконом», переход которого означает качественный скачок субъекта из состояния «вне религии» в религию.

Следует отметить, что по данному вопросу среди специалистов сегодня существуют серьезные разногласия, вплоть до конфликта мнений. С нашей точки зрения, в работах ведущих отечественных социологов религии на настоящий момент четко обозначены две принципиально различающиеся методологические позиции.

Первая позиция (объективный, структурно-функциональный подход) представлена группой исследователей в лице Д.Е. Фурмана, С.Б. Филатова, Р.Н. Лункина, Л.М. Воронцовой, Н.А. Митрохина и других социологов. Анализируя их аргументы, можно выделить два принципиальных момента для определения религиозности.

Первым таким моментом выступает практическое подтверждение религиозной позиции субъекта, выражающееся в регулярных культовых действиях — «когда вера приводит к регулярному посещению церкви, причащению, соблюдению постов и т. д., то есть, когда человек ради нее готов чем-то поступиться, если его поведение как-то меняется» [16]. Напротив, «культурная религиозность, или религиозная самоидентификация», по мнению исследователей данной группы, «является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам» [15].

Вторым моментом может быть тенденция к комплексности критериев, порой носящая, на наш взгляд, достаточно формальный характер. Так, например, Н.А. Митрохин не склонен считать разделяющими православную веру даже значительную часть (от трети до четверти) людей, регулярно посещающих богослужения, по причине того, что они воспринимают православные святыни, требы и таинства чисто магически и не проявляют никакого интереса к их аутентичному содержанию [6]. Критерием религиозности (в данном случае — православной), таким образом, исследователи данной группы склонны считать строгое соблюдение канонической чистоты и полноты православного образа действий (религиозного поведения) и образа мысли (религиозного сознания).

Выразителями второй позиции (субъективный подход) в отечественной социологии являются такие исследователи, как В.Ф. Чеснокова, Ю.Ю. Синелина, З.И. Пейкова и некоторые другие авторы.

Данная группа социологов склонна считать, что ключевым признаком, который должен лечь в основание критерия религиозности, является именно самоидентификация, осознание человеком себя как принадлежащего к данной конкретной религии.

В этой связи, по словам Ю.Ю. Синелиной, даже «вопиющая религиозная безграмотность... не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют, поскольку эти люди на пути к целям, установленным Церковью (целям, которые они сами для себя обозначили, назвав себя православными), находятся в *процессе* духовного самосовершенствования» [12].

В.Ф. Чеснокова объясняет это тем, что главным измерением религиозности является ее *направленность*. Что же касается таких признаков религиозности, как поведение, знание догматов, благочестие, которые другие исследователи обычно квалифицируют как показатели уровня и степени религиозности, то они относятся «к глубине и формам верования, а не к его направленности» [17]. Глубина верования, согласно концепции В.Ф. Чесноковой, описывается применительно к православному христианству другим понятием — воцерковленностью — и выявляется целым рядом признаков (в идеале их может быть великое множество). Направленность же содержит только одно измерение: православный — неправославный [17]. В соответствии с этим, критерий религиозности заключается в самоидентификации: так, «Православные» — это те, кто: а) признал, что верует в Бога; и б) сам отнес себя к православным» [17].

И объективный, и субъективный подходы, на наш взгляд, имеют как существенные недостатки, так и существенные достоинства. Так, к безусловным достоинствам первой позиции относится требование комплексного характера критерия религиозности и требование подтверждения самоопределения респондента на словах аргументами объективного характера. Слабым же местом этой позиции, на наш взгляд, является сам предлагаемый ее сторонниками способ такого подтверждения — увеличение числа фильтров в виде формальных канонических требований к верующему. Подобный метод, во-первых, на практике зачастую ведет к произвольности выбора таких критериев, и, во-вторых, не имеет принципиальных ограничений на их количество. В пределе, логика данного подхода закономерно приводит к выводу о том, что «настоящих» верующих или ничтожно мало, или просто не существует. В случае православия это наиболее наглядно: поскольку исполнять *все* церковные требования под силу только святым, то, соответственно, все остальные члены Церкви вполне могут быть исключены из числа верующих. А если учесть, что все без исключения христианские святые искренне

считали себя величайшими грешниками, то понятие «православный верующий» (так же как «верующий-католик» или «верующий — член Армянской апостольской Церкви»), следуя этой логике, вообще должно быть объявлено социальной фикцией.

Соответственно, к недостаткам второй позиции следует отнести известную односторонность, одномерность предлагаемого ее сторонниками критерия религиозности. Здесь, на наш взгляд, имеет место смешение категорий необходимого и достаточного оснований. Самоидентификация, действительно, выступает необходимым условием отнесения человека (группы) к верующим и в этом качестве — к субъектам данной конфессиональной религиозной культуры, но для достаточности такого основания требуется дополнить ее другими весомыми аргументами. Достоинство же этой позиции заключается, на наш взгляд, во внимании к особенностям конкретной, например, православно-христианской или исламской религии, к поиску адекватных «инструментов» ее изучения, которого сегодня, по мнению И.В. Налетовой, «очевидно недостает российской социологии» [7]. Результатом такой исследовательской установки становится успешное, на наш взгляд, сочетание научного и собственно религиозного (интроспективного) подходов к определению критерия религиозности.

Таким образом, при попытке определить собственную позицию в отношении к критерию религиозности исследователь должен либо принять за основу одну из сложившихся на сей день методологических позиций, либо попытаться их синтезировать. Для того чтобы осуществить такой синтез на должном методологическом уровне, необходимо найти некий генеральный принцип, объединяющий оба подхода. Это предполагает возврат на уровень теоретической интерпретации основного понятия с привлечением дополнительного концептуального ресурса из области смежных наук.

Религиозность — это духовное, культурное и социальное состояние человека, вытекающее из принятия им той или иной разновидности доминанты религиозного сознания и поведения. При этом все три измерения религиозности (духовное, культурное и социальное) составляют неразрывное единство, органически вытекая одно из другого. Тем не менее, следует признать, что в силу конкретных исторических обстоятельств данные аспекты могут быть развиты и явлены в различной степени.

Так, в современной ситуации, рассматриваемой с социологической точки зрения, основным индикатором религиозности становится ее *культурный* аспект. Собственно духовные критерии религиозности трудноуловимы для социологических методов. Что же касается социальных критериев, то после десятилетий фактической деинституционализации религии в российском обществе, соответствующие

им параметры (как-то: межличностные связи и отношения в религиозных общинах, участие верующих во внекультовой религиозной деятельности и др.) в большинстве случаев, не успевают достичь должной степени развития и распространения.

В соответствии с «культурным» подходом к религиозности, логика дальнейших рассуждений выстраивается следующим образом. Проблема религиозности современного человека может быть адекватно осмыслена только в свете секуляризации, которая выступила одним из определяющих факторов, сформировавших сам феномен «современности» (modernity).

С.Д. Лебедев рассматривая религиозность в культурном аспекте, попытался объединить упомянутые выше основные отечественные подходы к пониманию критериев религиозности. Он заключил, что социологически релевантным критерием религиозности человека является религиозная культура, укоренившаяся в его сознании и имеющая существенное реальное либо потенциальное влияние на его образ мыслей и образ жизни [5]. В своем развитии эта культура проявляется в форме, которая в традиционном христианстве обозначается термином «воцерковленность».

В субминимальном виде она выражается в терминальном характере ценности религиозной веры, сочетающемся с положительной религиозной и конфессиональной самоидентификацией. В случае такого сочетания высока вероятность того, что в сознании человека (группы) сложилось системное ядро религиозной культуры, тяготеющее к созданию в нем религиозной доминанты, способной трансформировать исходный светский культурный паттерн под своим определяющим влиянием.

Вслед за С.Д. Лебедевым нами также предпринята попытка в исследовании религиозности объединить оба основных подхода в отечественной социологии. Только основой такого *интегративного подхода* [8] выступает не культура, а технический прием — использование «логического квадрата», специального социологического метода, используемого для изучения сложных качественных характеристик.

МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Стремясь соединить наиболее распространенные подходы социологов к изучению религиозности, автором предложена собственная модель её измерения. Суть этой модели заключается во взвешенном учете:

- религиозной самоидентификации респондента;
- религиозности его сознания;
- религиозности его поведения.

Для этого используется известный в социологии метод «логического квадрата» [13] (см. табл.).

Таблица

Применение логического квадрата для измерения качественной характеристики религиозности человека

Самоидентификация религиозности		Религиозность поведения								
		+			+/-			-		
		Религиозность сознания								
		+	+/-	-	+	+/-	-	+	+/-	-
	1	1	2	6	2	2	6	6	6	6
	2	2	2	3	2	3	3	6	3	6
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	
4	6	3	6	3	4	4	6	4	4	
5	2	3	6	3	3	3	6	3	5	

Этот метод обычно используется для измерения сложносоставных качественных характеристик. Религиозность является сложной качественной характеристикой личности человека (врача, пациента). В качестве основного признака выступает степень религиозной самоидентификации респондента, в качестве двух косвенных признаков учитываются религиозность сознания и религиозность поведения.

Цифра в таблице соответствует типу религиозной идентификации личности согласно следующей типологии:

- 1 — убеждённый верующий;
- 2 — верующий;
- 3 — колеблющийся;
- 4 — неверующий;
- 5 — убеждённый неверующий, атеист;
- 6 — противоречивый (выбраковывается из базы данных).

Шкала основного признака — **самоидентификация религиозности** — наиболее точно сформулирована в вопросе анкеты:

Считаете ли Вы себя верующим (религиозным) человеком?

- 1 — да, я твердо верю в Бога и стараюсь соблюдать все предписания своей веры;
- 2 — я — скорее верующий человек, чем наоборот;
- 3 — я еще не определился с верой, скорее я — колеблющийся;
- 4 — я — скорее неверующий, чем верующий человек;
- 5 — я — атеист, убежден, что никакого Бога нет, и свое поведение с религией не согласую.

Шкалы косвенных признаков **религиозного сознания** и **религиозного поведения** отражают:

- +
 -
 - +/-
- наличие признака;
— отсутствие признака;
— затруднение респондента с полярной самооценкой признака.

При определении индикаторов религиозности и сознания, и поведения важно, чтобы эти признаки были **общими** для всех традиционных религий, ко-

торые могут встретиться на территории Российской Федерации.

В качестве таких универсальных для всех религиозных конфессий признаков религиозного сознания могут быть:

- уверенность в объективном существовании Бога;
- наличие мотива религиозной веры;
- степень информированности об основных нормах своей религии;
- степень информированности об основных положениях своей религии;
- степень информированности об основных ценностях своей религии.

Общими признаками религиозного поведения являются:

- исполнение (чтение) молитв;
- следование религиозным нормам поведения в повседневной жизни;
- совершение культовых действий в условиях военной службы;
- празднование религиозных праздников;
- соблюдение постов;
- ношение религиозных символов или обладание ими.

В рамках конкретного медико-социологического исследования перечень таких признаков может быть расширен. Кроме того, их можно измерять по 5-балльной порядковой шкале для решения конкретных задач медико-социологического исследования. В дальнейшем их значения преобразовываются в более общие показатели и представляются в «логическом квадрате».

В практике социологических исследований религиозности широкое распространение получил метод **анкетного опроса**. Он позволяет оперативно выявить мнения, суждения, оценки большого количества респондентов. При соблюдении условий анонимности, анкетный опрос дает возможность получить откровенные ответы по проблемам, имеющим личную значимость для опрашиваемых:

моральным, этическим, религиозным вопросам (которые могут быть не высказаны в ходе личной беседы).

В то же время использование метода анкетирования имеет свои недостатки и трудности, требует специальных знаний и умений по составлению анкеты, организации и проведению анкетирования, обработке и анализу полученных данных.

Для сбора первичной информации по предлагаемой модели также рекомендуется применять метод анкетного опроса. Важным аспектом является мотивация респондента на сотрудничество. И тогда результаты социологического измерения религиозности могут быть в достаточной степени обоснованными и достоверными.

Таким образом, социологическая категория «религиозность» достаточно неоднозначно понимается учеными-социологами. Основным вопросом споров вокруг нее является определение критериев религиозности, которые могли бы стать основанием для классификации социальных объектов по степени выраженности у них такой характеристики, как религиозность.

Предлагаемая автором модель социологического измерения религиозности человека с использованием анкетного опроса при тщательном продумывании и методически правильно организованном проведении может дать богатый материал исследователю.

Список литературы

1. Бергер П.Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. — М.: «Аспект Пресс», 1996. — С. 346.
2. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв. ред. Овсиенко Ф.Г., Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. — М.: Изд-во РАГС, 1996.
3. Грановская Р.М. Психология веры. — 2-изд. (Серия «Мастера психологии»). — СПб.: «Питер», 2010.
4. Зенько Ю.М. Психология религии. — 2-е изд. — СПб.: «Речь», 2009.
5. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках Рубикона // Социологический журнал. — 2005. — № 3. — С. 153–169.
6. Митрохин Н. Русская Православная Церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 43.
7. Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования. — 1999. — № 5. — С. 135.
8. Половнев А.В. Военно-профессиональная ориентация молодых офицеров ВС РФ и ее формирование в современных условиях. Дис. ... канд. соц. наук. — М., 2005. — С. 44.
9. Присяжная Н.В. Социальный анамнез и место здоровья в системе жизненных ценностей воспитанников сиротских учреждений // Социология медицины: наука и практика: сборник статей / Под ред. Решетникова А.В. — М., Изд-во Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, 2012. — С. 303–308.
10. Решетников А.В. Социология медицины: учебник. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006.
11. Решетников А.В., Ефименко С.А. Социология пациента. — М., 2008.
12. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 95.
13. Скок А.С. Технологические основы военно-социологического исследования. М.: Изд-во «Ассортимент», 1996. — С. 89.
14. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. — 2-е изд. — М.: «Мысль», 1985. — С. 127.
15. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 4. — С. 43.
16. Фурман Д.Е., Каарийнен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль — XXI. Теоретический и политический журнал. — 2003. — № 7. — 27.
17. Чеснокова В.Ф. Число православных в России увеличивается // Электрон. изд. — Режим доступа к изд.: <http://club.fom.ru/article.php?id=10>.
18. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. — М.: «Гардарики», 1998. — С. 460.